

У истоков шекспиризма в России: Н. М. Карамзин, А. А. Петров и Я. М. Р. Ленц*

Н. В. ЗАХАРОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

Шекспир оказал огромное влияние на отечественную культуру на рубеже XVIII–XIX веков. Важную роль в становлении «культы Шекспира» сыграл Н. М. Карамзин, А. А. Петров и Я. М. Р. Ленц, которые были знатоками, переводчиками и популяризаторами творчества Шекспира в русской литературе допушкинской эпохи.

Ключевые слова: Шекспир, Карамзин, шекспиризация, культ Шекспира, шекспиризм.

The Origins of Shakespearism in Russia: N. M. Karamzin, A. A. Petrov and J. M. R. Lenz

N. V. ZAKHAROV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Shakespeare's powerful influence on the Russian culture started at the turn of the XVIII–XIX centuries. The reception of the English playwright in Russia can be characterized by formation of the «cult of Shakespeare». N. M. Karamzin, A. A. Petrov and J. M. R. Lenz became significant connoisseurs, translators and popularizers of Shakespeare's oeuvre in the Russian literature of the «pre-Pushkin» era. Keywords: Shakespeare, Karamzin, A. A. Petrov, J. M. R. Lenz, Shakespearism, cult of Shakespeare, shakespeareism.

В истории восприятия Шекспира в России особое место занимает Н. М. Карамзин (1766–1826). По словам Ю. Д. Левина, он стал «первым истинным пропагандистом Шекспира в России» (Левин, 1988: 14). Именно Карамзин одним из первых по достоинству оценил Шекспира как гениального поэта, его творчество — как одно из высших достижений западноевропейской цивилизации.

Когда Карамзин увлекся Шекспиром, точно не известно, но в письмах к нему переводчика и писателя Александра Андреевича Петрова (ок. 1763–1793) имя Шекспира встречается уже весной 1785 г. (см.: Памятник отечественных муз, 1827: 11, 13; Русский архив, 1863: 473–486). Возможно, именно А. А. Петров, с которым Карамзин мог познакомиться во время обучения в московском пансионе профессора И. Шадена (1775–1781), привил русскому писателю пер-

воначальный интерес к творчеству британского драматурга. Нельзя исключать и версию, что обоих писателей приобщил к Шекспиру немецкий поэт Яков Михаил Рейнгольд Ленц (1751–1792), который в свою бытность в Москве входил в литературный круг Дружеского Ученого Общества и последователей Н. И. Новикова (см.: Розанов, 1901). Кроме того, Карамзин, Петров и Ленц вместе жили в доме у Никольских ворот, где также размещалась «Типографическая компания»¹. В течение нескольких лет (1785–1788) Карамзин и Ленц активно общались (Тихонравов, 1898: Т. 3: Ч. 1: 258–275).

Из первого же письма А. А. Петрова к Карамзину от 5 мая 1785 г. мы узнаем, что в предыдущем письме русский историк жаловался на скуку, овладевавшую им в Симбирске, так что он не мог работать, «и самый Шекспир меня (Карамзина. — Н. З.) не прельща-

*Статья включает результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Идея “шекспиризма” в русской литературе XIX века: Пушкин и Достоевский» (РГНФ, 07-04-00182а).

**Захаров Николай Владимирович — заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, академик МАН (IAS). Тел. 374-70-20. Эл. адрес: nikoltine@yandex.ru

ет; собственная фантазия заводит меня только в пустые степи или в дремучие леса, а доброго приятеля взять негде» (Петров, 1863: 476). На это Петров отвечал, «что к работе и к учению всякий молодой человек не много только попринудить себя должен, после чего и Шекспир и фантазия будут приносить удовольствие» (Петров, 1863: 477). Похоже, Карамзин внял наставлениям своего старшего товарища, ставшего для него «добрым другом»².

Письма Петрова дают нам представление о круге вопросов, интересовавших Карамзина в связи с Шекспиром: «Слава просвещению нынешнего столетия, и дальние края озарившему! Так восклицаю я при чтении твоих эпистол (не смею назвать русским именем столь ученых писаний), о которых всякий подумал бы, что оне получены из Англии и Германии. Чего нет в них касающегося до литературы? — Все есть! Ты пишешь о переводах, о собственных сочинениях, о Шекспире, о трагических характерах, о несправедливой Вольтеровой критике» (см. письмо Петрова к Карамзину от 11 июня 1785 г. — Петров, 1863: 481).

О степени увлечения творчеством британского драматурга говорит тот факт, что сначала Карамзин планировал перевести всего Шекспира. 20 мая 1785 г. Петров саркастически пишет Карамзину: «Хоть ты и секретничаешь, однако я воображаю, как по приезде твоём все московские авторы и переводчики будут ходить повеся головы; для того, что бедные сии люди будут тогда раза по четыре приезжать и приходиться к директорам типографской компании, и получать от них неприятный ответ, что книг не можно еще начать печатать, ибо обе типографии заняты печатанием *Российского Шакестифа*» (Петров, 1863: 479)³. К сожалению, этот амбициозный прожект юного шекспиромана не был реализован.

Переписка Петрова с Карамзиным обнаруживает их интерес к Шекспиру и состязание в учености: «Первое письмо твое сильно поколебало мое мнение о превосходстве над тобою в учености, второе же крепким уда-

ром сшибло его с ног: я спрятал свой кусочек латыни в карман, отошел в угол, сложил руки на грудь, повесил голову и признал слабость мою пред тобою, хотя ты по латыни и не учился» (письмо от 11 июня 1785 г. — Петров, 1863: 481).

Позже Петров признавал в письме от 4 августа 1787 г.: «Простота чувствований — превыше всякого умничанья; грешно сравнивать натуру, *génie*, с педантскими подражаниями, с натянутыми подделками низких умов. Однакож простота не состоит ни в подлинном, ни в притворном незнании. Можно писать крестьянским наречием: *што, подико, эвоя, вот вишь ты*, и со всем тем педантствовать. Самые жаркие чувствования могут показаться иногда суше латинского лексикона и латинской грамматики. Пьяные мужики и экскременты разных животных находятся *в натуре*; но я не желал бы читать живого оных описания ни в стихах, ни в прозе. Говорят, что Шекспир был величайший *génie*; но я не знаю, для чего его трагедии не так мне нравятся, как Эмилия Галлотти» (Петров, 1863: 483–484).

Петрову принадлежит важная роль в обращении современников к Шекспиру. Он одним из первых перевел монолог Гамлета «*To be or not to be*»⁴. Правда, это был прозаический перевод с немецкого языка, но он был ближе к подлиннику, чем в трагедии Сумарокова «Гамлет»⁵.

М. П. Погодин выдвинул предположение, что своим знакомством с творчеством Шекспира Карамзин обязан немецкому писателю Я. М. Р. Ленцу. Схожее мнение высказала немецкая исследовательница Г. Леманн-Карли: «Ленц сумел вызвать интерес кружка Новикова к произведениям Шекспира, а также к немецкой поэзии, философии, драматургии. Для Карамзина Ленц с 1786 г. (несмотря на усиливающееся душевное расстройство последнего — шизофрению) — чрезвычайно интересный собеседник, побуждающий к спору, от которого к тому же можно услышать современную немецкую речь. <...> Когда Карамзин 21 июля 1789 г. разыскал в Веймаре Виланда, немецкий поэт спросил его,

как он, “живучи в Москве, научился говорить по-немецки”, и тот сразу упомянул Ленца. Ленц также был очень доволен своим “учеником” Карамзиным. В письме к брату, написанном им в апреле 1789 г., он очень высоко оценивает карамзинское владение языком: “Он любит немецкий язык исключительно, говорит и пишет на нем, как природный немец”» (Леманн-Карли, 1996: 149). Высказывалось предположение, что карамзинские переводы «Эмилии Галотти» Лессинга и «Юлия Цезаря» Шекспира также возникли под влиянием Ленца (Леманн-Карли, 1996: 154).

В 1771 г. Ленц отправился в Страсбург, где вошел в литературный кружок Зальцмана, в который также входили Гердер и Гёте. Их общество повлияло на литературные вкусы Ленца, он становится страстным почитателем Шекспира (Rauch, 1892). Вслед за Гёте Ленц применяет гердеровский историко-генетический метод в анализе творчества английского драматурга. Уже в первом драматическом сочинении Ленца «Гофмейстер, или Польза частного воспитания» («Der Hofmeister oder Vorteile der Privaterziehung», 1772–1773) заметно шекспировское влияние. Подражая британскому драматургу, Ленц отказывается от единства времени, места и действия. Свой немецкий перевод комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви», озаглавленный «Amog vincit omnia»⁶, он снабдил «Заметками о театре» («Anmerkungen über Theater», изданы в 1774 г.) (Lenz, 1965–1966). Если сам по себе перевод Ленца считается сокращенным и грубоватым (ему также принадлежит перевод «Кориолана»), хотя он мастерски воспроизвел остроты и вообще все комическое у Шекспира, то его «Заметки», «частично восходящие к прочитанным зимой 1771–1772 гг. в Страсбурге докладам» (Леманн-Карли, 1996: 154), стали воплощением «бурных» идей автора о новой драматургии. Так, анализируя учение Аристотеля о трагедии, Ленц разграничивает древнюю «трагедию судьбы» и новую «трагедию характеров». Ленц «решительно отверг драматургию, присягнувшую Аристотелю, и дей-

ствовавшую еще тогда нормативную эстетику. Аристотелевы и обновленные Лессингом определения трагедии и комедии он поставил с ног на голову и определил задачей поэта подражание “природе”, т. е. познаваемому миру. В Шекспире Ленц видел напряженное взаимодействие между трагедией и комедией и свободу от правил. Люди Шекспира сами по себе не есть характеры, они определяются своим положением, своими слабостями и предрассудками» (Леманн-Карли, 1996: 154).

Шекспировские герои дали новое понимание человеческой личности, что, согласно Х. Г. Шварцу, привело к разрыву с традиционным принципом подражания, отказу от нормативной эстетики (Schwarz, 1985: 46). В эстетике и поэтике русского сентиментализма в новиковском кружке значим переход от аристотелевского подражания действию к подражанию шекспировским характерам (Леманн-Карли, 1996: 154–155).

Примечательно, что между 1781 и 1787 г. Ленц работает над исторической драмой «Борис Годунов». До нас дошел набросок сцены, в которой Годунова в 1591 г. посещают «некоторые русские купцы» и просят его силой препятствовать восхождению на трон младшего сына Ивана IV Дмитрия, изгнанного в Углич, «татарина». Сохранившийся текст был опубликован М. Келлером (Keller, 2000: Bd. 2: 522–523). Конечно, совсем не обязательно видеть в любых штудиях русской истории шекспировский след, но выбор материала примечателен. Напомним, что именно в это время императрица Екатерина II читает хроники Шекспира на немецком языке⁷.

В 1781 г. Ленц оказывается в Москве, где сближается с кругом московских масонов и просветителей, в первую очередь с Новиковым, Петровым и Карамзиным. В основном он живет на средства, вырученные за переводы, которые ему заказывает Новиков. Следуя примеру писателя и критика немецкого Просвещения Иоганна Кристофа Готшеда (1700–1766), Ленц не только открывает для себя русскую литературу, но и становится ее активным пропагандистом в Германии.

Ему принадлежат переводы на немецкий язык первых пяти песен «Россиады» М. М. Хераскова, труда С. И. Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии» (СПб., 1789), незавершенный перевод сочинения М. Д. Чулкова «Историческое описание российской комерции...» (СПб., 1781–1788. Т. 1–7). Из неопубликованных переводов Ленца до нас дошли рукописи «Из первой части “Древней российской вивлиофики” господина Новикова» (12 стр. in folio) и «Опыт вышеупомянутого доклада» (№ 10 «Древней российской вивлиофики»; 1 стр. in folio).

Сблизившись с Карамзиным, Ленц помогал ему в составлении плана образовательного путешествия по Европе, причем маршруты по Германии и Швейцарии были составлены таким образом, что они проходили по местам, где некогда жил сам немецкий писатель (Кенигсберг, Веймар, Страсбург и Цюрих) (Леманн-Карли, 1996: 150). Не случайно, что Карамзин неоднократно упоминает о Ленце в «Письмах русского путешественника» (1791–1795).

В одном из писем Карамзин передавал отзыв одного лифляндского дворянина: «Ах, государь мой! — сказал он мне, — самое то, что одного прославляет и счастливит, делает другого злополучным. Кто, читая поэму шестнадцатилетнего Л* и все то, что он писал до двадцати пяти лет, не увидит *утренней зарю великого духа?* Кто не подумает: вот юный Клопшток, юный Шекспир? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не воссияло. *Глубокая* чувствительность, без которой Клопшток не был бы Клопштоком и Шекспир Шекспиром, погубила его. Другие обстоятельства, и Л* бессмертен!» (Карамзин, 1964: Т. 2: 87). Подобное отношение к личности и таланту Ленца было вполне свойственно новиковскому кругу, где в свете культа гениальности Шекспира он воспринимался несостоявшимся безумным гением (Леманн-Карли, 1996: 155). Однако существует и противоположное мнение относительно литературной репутации Ленца в новиковском кружке. Г. Винтер считает, что в

масонской среде Ленца не воспринимали как подлинного поэта, не только не поддерживали, но и были косвенной причиной все больше возрастающей неуверенности его в собственных творческих возможностях (Winter, 1987: 109). Трудно согласиться с данным утверждением, имея в виду постоянно ухудшавшееся здоровье Ленца, его загруженность переводами и активное участие в разных проектах. В письме от 20 апреля 1787 г. к известному мистика Лафатеру Карамзин так характеризует душевное состояние Ленца: «Он нездоров. Он всегда путается в мыслях. Вы, вероятно, не узнали бы его, если б теперь увидели. Он живет в Москве, сам не зная зачем. Все, что он по временам пишет, доказывает, что он когда-то был очень даровит, но теперь...» (Карамзин, 1984: 489).

В Германии в Веймаре Карамзин слышал разные анекдоты о Ленце и пересказал несколько из них: «Он приехал сюда для Гёте, друга своего, который вместе с ним учился в Страсбурге и был тогда уже при веймарском дворе. Его приняли очень хорошо, как человека с дарованиями; но скоро заметили в нем великие странности. Например, однажды явился он на придворный бал в домине, в маске и в шляпе и в ту минуту, как все обратили на него глаза и ахнули от удивления, спокойно подошел к знатнейшей даме и звал ее танцевать с собою. Молодой герцог любил фарсы и рад был сему забавному явлению, которое доставило ему удовольствие смеяться от всего сердца; но чиновные господа и госпожи, составляющие веймарский двор, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мере отрубить голову. — С самого своего приезда Л* объявил себя влюбленным во всех молодых, хороших женщин и для каждой из них сочинял любовные песни. Молодая герцогиня печалилась тогда о кончине сестры своей; он написал ей на сей случай прекрасные стихи, но не преминул в них уподобить себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться в Юпитерову супругу. — Однажды он встретился с герцогинею за городом и, вместо того чтобы поклониться ей, упал на колени, поднял вверх руки и таким обра-

зом дал ей мимо себя проехать. На другой день Л* всем знакомым разослал по бумажке, на которой нарисована была герцогиня и он сам, стоящий на коленях с поднятыми вверх руками. — Но ни поэзия, ни любовь не могли занять его совершенно. Он мог еще думать о реформе, которую, по его мнению, надлежало сделать в войске его светлости, и для того подавал герцогу разные планы, писанные на больших листах. — За всем тем его терпели в Веймаре, а дамы находили приятным. Но Гёте наконец с ним поссорился и принудил его выехать из Веймара. Одна дама взяла его с собою в деревню, где несколько дней читал он ей Шекспира, и потом отправился странствовать по белу свету» (Карамзин, 1964: Т. 2: 181–182).

С неподдельной теплотой Карамзин вспоминал друга, ушедшего из жизни после тяжелой душевной болезни: «Глубокая меланхолия, следствие многих несчастий, свела его с ума; но в самом сумасшествии он удивлял нас иногда своими пиитическими идеями, а всего чаще трогал добродушием и терпением» (Карамзин, 1964: Т. 2: 87).

В споре с Петровым о «гении» и «натуре» (т. е. природе) Карамзин объединял понятия «натура» и гений Шекспира, он видел в драматургии «естественного» гения, не нуждающегося в стесняющих его правилах искусства. Х. Роте считал, что под гениальной натурой Карамзин понимал способность Шекспира к познанию (Rothe, 1968: 57–65). Похоже, что, как и большинство предромантиков, Карамзин понимал под «натурой» не банальную окружающую «действительность» или подражание жизни в творчестве, а противоречивое единство человека с природой. Д. Д. Благой высказал мнение, что такой подход к изображению всей сложности и противоречивости действительности отличает карамзинскую «Историю государства Российского», на которую впоследствии опирался при создании своей «шекспировской» трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкин (Благой, 1975: 233–234).

Мысль о том, что гений вполне может пренебрегать всякими условностями, преж-

де высказывалась Луи-Себастьяном Мерсье (1740–1814) и могла быть известна Карамзину с подачи Ленца (Cross, 1971: 16–17). Связь «Заметок о театре» Ленца с вышедшим в 1773 году трактатом Мерсье «О театре...» обнаруживается в общности их взглядов на творчество Шекспира (см.: Луков, 2006: 331–332). Мерсье призывал: «...Читайте Шекспира — это для того, чтобы проникнуться его величественной, свободной, простой, естественной и сильной, выразительной манерой; изучайте в нем верного истолкователя природы, и вскоре все наши ничтожные трагедии — однообразные, кучные, лишённые замысла и движения, предстанут перед вами во всей своей сухости и отталкивающем худосочии» (Мерсье, 1936: Т. 2: 362–363). Находясь под влиянием шекспировских произведений, Ленц приходит еще к более свободной форме драматургии, нежели это мог себе позволить в своих драмах Мерсье. Так, Ленцем «широко используется фрагментарность, множественность сцен, увеличивается действенность, наполненность эмоционально окрашенными событиями, применяется “мелодраматизация”, гротеск, разрушаются единства <...>, используются эффекты, рассчитанные на потрясение ужасом (героиня драмы Ленца “Домашний учитель”, родившая незаконного ребенка, кончает жизнь самоубийством, бросаясь в пруд)» (Луков, 2005: 14).

В 1787 г. увидел свет прозаический перевод «Юлия Цезаря» Н. М. Карамзина (Карамзин, 1787). Как считали некоторые исследователи, он был сделан по французскому переводу Летузнера (Shakespeare, 1776: II: 384). (Белинский, 1953: Т. 2: 201; Булгаков, 1934: 47–118; Макогоненко, Берков, 1964: Т. 2: 526–527). Действительно, Карамзин цитировал одно место из предисловия Летузнера к французскому изданию «Юлия Цезаря»: «Характеры, в сей трагедии изображенные, заслуживают внимания читателей. Характер Брутов есть наилучший. Французские переводчики Шекспировых трагедий говорят об оном так: “Брут есть самый редкий, самый важный и самый занимательный

моральный характер. Антоний сказал о Бруте: вот муж! а Шекспир, изображавший его нам, сказать мог: вот характер! ибо он есть действительно изящнейший из всех характеров, когда-либо в драматических сочинениях изображенных». Ю. Д. Левин полагал, что точный для своего времени перевод «Юлия Цезаря» Карамзин выполнил по немецкому переводу И. И. Эшенбурга (Левин, 1989: 14). Исследователь обнаружил в предисловии к переводу выборки Карамзина из статьи К.-М. Виланда «Дух Шекспира» («Der Geist Shakespears», 1773) и некоторые примечания Эшенбурга. В частности, именно Виланд с восторгом восхищался глубиной понимания Шекспиром человеческой природы (см.: Кафанова, 1983: 158–163).

Очевидно, в работе над предисловием Карамзин пользовался как французскими, так и немецкими источниками. Многие идеи буквально витали в воздухе и вполне могли кочевать из одного сочинения в другое, появляться одновременно у разных авторов. Сама эпоха была подготовительным этапом усвоения художественных открытий Шекспира.

А. Н. Горбунов вслед за М. Загорским пришел к выводу, что Карамзин перевел Шекспира на русский язык по подлиннику (Горбунов, 1998). Напомним, что с языка оригинала Карамзин перевел прозой «Монолог Лира» (III, 2) (Карамзин, 1814: 184–185). В примечаниях к переводу «Юлия Цезаря» Карамзин цитирует Шекспира по оригиналу, ссылаясь на суждения английского шекспироведа Фармера относительно правильности текста его произведений (Загорский, 1947).

В переводе «Юлия Цезаря» Карамзину удалось передать некоторые стилистические особенности шекспировской трагедии. Впрочем, в этом можно обнаружить и влияние Ленца. Разделяя установки его программной статьи «Заметки о театре», Карамзин отказывается от норм классической поэтики в пользу «естественности» речи, чем существенно опростил «возвышенный» язык русской прозы. В переводе Карамзин

ориентируется на простую, даже разговорную речь, но это все же не грубоватый и гибкий язык Шекспира и еще не возникшая у Пушкина гениальная естественность художественного перевода. Скорее всего, это тот язык, на котором говорили в литературных салонах и в «приличном обществе». В какой-то степени перевод Карамзина отражает ту стадию эволюции отечественной словесности, которая предвосхищает пушкинскую реформу русского литературного языка. Тем не менее А. А. Петров высмеивал употребление Карамзиным «долгосложно-протяжнопарящих» славянских слов. Журнал «Детское чтение» и вовсе обзывал Карамзина писать легким, разговорным языком, избегая «славянщины» и использования латинско-немецких конструкций. Следует не забывать также об отходе Карамзина от стихотворной формы шекспировского текста и некоторых искажениях образной системы трагедии.

Достоинства перевода и особенности подлинника все-таки не остались без внимания современников. В том же 1787 г. о них упоминал «Драматический словарь», куда были включены описания всех российских театральных сочинений и переводов по алфавиту: «Трагедия Виллиама Шакепера, известного Аглийского драматического писателя, переведенная на Российский язык белыми стихами⁸. Сия трагедия почитается лучшею в оригинале из сочинений сего писателя и на российском языке по точности перевода и редкости известной нам аглинской литературы должна быть уважаема. Чтож Шекспир не держался театральных правил, тому истинная причина почестья может пылкое его воображение, не могшее покориться никаким правилам, в чем его осуждает знаменитый софист г. Вольтер, также и Российской стихотворец г. Сумароков. Напечатана в типографической компании в Москве 1787 года» (Драматический словарь, 1787: 163–164). Но до серьезного анализа перевода при жизни Карамзина дело так и не дошло.

Любопытна дальнейшая судьба перевода Н. М. Карамзина. В пору беспощадного пре-

следования масонства в начале 1790-х годов цензура внесла трагедию «Юлий Цезарь» в список книг, предназначенных для сожжения. События Великой Французской революции настолько потрясли власть, что давней истории о заговоре и цареубийстве, переведенной бывшим масоном и изданной одним из лидеров масонов Н. И. Новиковым, был вынесен безжалостный приговор. Красноречива сама дата, когда «главнокомандующий в Москве кн. А. А. Прозоровский предписал “отложить” карамзинский перевод (наряду со “Смертью Цезаря” Вольтера) в число вредных» (Шекспир и русская культура, 1965: 74). Произошло это 23 апреля 1794 г., спустя ровно 230 лет со дня рождения и 178 лет со дня смерти великого драматурга.

В переводческом опыте Н. М. Карамзина и в его размышлениях в предисловии к переводу наиболее ценно то, что молодой писатель противостоял писателям-классикам, которые приспособляли Шекспира к канонам чуждой ему поэтики: «...Декларация уже предвещала, хотя весьма скромно (далее верной передачи мыслей она не шла), новые переводческие принципы. Но Карамзин обогнал свое время: перевод его не повлек никаких откликов и, по-видимому, не вызвал читательского интереса» (Левин, 1989: 243). Другая причина отсутствия критических отзывов очевидна: политическая ситуация, вызвавшая уничтожение значительной части тиража, не способствовала обсуждению перевода, книга стала библиографической редкостью и, казалось, была забыта. Вплоть до 1841 г. само имя автора перевода продолжало оставаться тайной для читателей. Впервые оно было названо в 1841 г. в журнале «Северная пчела» (13 сентября, № 203). Вторым источником, раскрывшим имя переводчика «Юлия Цезаря», была статья «Карамзин как переводчик и ценитель Шекспира», опубликованная под псевдонимом Р. Р. Статья была напечатана в «Северном обозрении» (1849. Т. 1. С. 464–469). В своем труде «Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке

с ним» (1861) его автор В. В. Григорьев ошибочно приписал перевод известному русскому археологу, востоковеду-арабисту П. С. Савельеву (1814–1859), прославившемуся своими открытиями в области ордынской нумизматики (Григорьев, 1861: 196; ср.: Шекспир и русская культура, 1965: 75). На самом деле это была первая публикация успешного журналиста и автора литературно-критических статей Г. Е. Благодетель (1824–1880), впоследствии редактора журналов «Русское слово» и «Дело» (Благодетель, 1849: Т. 1: Кн. 2: 464–469).

В начале 20-х годов XIX века Пушкин поставил проблему тираноубийства в стихотворении «Кинжал» (1821) (Немировский, 1991: 195–204). Нет оснований отрицать, что замысел Пушкина восходит к «Жизнеописаниям» Плутарха, но, вполне возможно, и к драме Шекспира. Образ Брута в пушкинскую эпоху был широко распространен как в мировой, так и в русской литературе (см. именную указатель: Hight, 1949). Был ли перевод «Юлия Цезаря» Карамзина одним из источников, вдохновивших Пушкина, нельзя сказать определенно, однако можно предположить, что поэт все-таки был знаком с малодоступным и неперездававшимся переводом Карамзина. В любом случае обращение Карамзина и Пушкина к шекспировскому герою симптоматично.

Отклики на работу Карамзина в отечественной критике все-таки появились, но значительно позже публикации перевода. Признание заслуг переводчика пришло только после того, как Шекспир утвердился в русской культуре (см.: Белинский, 1836).

Ссылки на Шекспира и цитирование его произведений были отличительной чертой стиля Карамзина. Они постоянно встречаются в его письмах, критических статьях, эпиграфах к собственным сочинениям.

В стихотворении «Поэзия» (1778) Карамзин включает Шекспира в круг мировых гениев, чем продолжает традицию, которой в свое время следовал во второй «Эпистоле» Сумароков. Перечисляя великих поэтов и открывая их список библейским Давидом,

называя Орфея, Гомера, Софокла, Эврипида, Биона, Феокрита и Мосха, Горация и Овидия, Карамзин исключает из своего перечисления Вергилия, французских поэтов, но утверждает: «Британия есть мать поэтов величайших...» Их имена — Оссиан, Шекспир, Мильтон, Юнг, Томсон. Наряду с англичанами Карамзин упоминает немца Клопштока, «альпийского Теокрита» швейцарского поэта Геснера, но, как и французов, игнорирует русских поэтов. Возможно, это свидетельствует о разочаровании Карамзина в современной ему отечественной поэзии. Карамзин не называет поэтов ломоносовской школы, Державина, Хераскова, но не назван и Сумароков. Подобную пропаганду древних и новых авторов, немецкой и английской литератур можно обнаружить в стихотворениях Ленца «О немецкой поэзии» («Über deutsche Dichtkunst»)⁹ и у Ф. В. Цахария в «Поэзии и Германии» («Die Poesie, und Germanien») (Lenz, 1891: 163–165; Zachariä, 1850–1855; Леманн-Карли, 1996: 149).

Знал ли Карамзин о Шекспире до встречи с Ленцем, был ли Петров той фигурой, под чьим влиянием он увлекся британским драматургом или же на обоих русских писателей повлиял их немецкий приятель — вопросы, ответ на которые дать сегодня практически невозможно. Да и насколько это принципиально в решении проблемы возникновения такого масштабного явления, как шекспиризм русской классической литературы? Более существенно, что именно через Ленца Карамзин и Петров могли познакомиться со взглядами на шекспировскую драматургию участников движения «Буря и натиск», которые сыграли ключевую роль в утверждении шекспировской литературной репутации на русской почве.

Еще более важно то обстоятельство, что, опередив соотечественников в оценке значения Шекспира, автор «Истории государства Российского» был не только одним из первых почитателей Шекспира и подлинным знатоком его творчества, но и сыграл огромную роль в становлении и развитии русского шекспиризма, создав «шекспировскую» кон-

цепцию русской истории. Не случайно именно его «драгоценной для россиян памяти» Пушкин посвятил «с благоговением и благодарностию» свой «труд, гением его вдохновенный», — «Комедию о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позже, вспоминая о скромном жилище «молодых словесников», И. И. Дмитриев так описывал помещение, разделенное тремя перегородками: на «покрытом зеленым сукном» столе одной из комнат стоял «гипсовый бюст мистика Шварца», «а другая освящена была Иисусом на кресте, под покрывалом черного креста» (Дмитриев, 1892: Т. 2: 25).

² После кончины А. А. Петрова в 1793 г. Карамзин посвятил ему элегический очерк «Цветок на гроб моего Агатона», где, в частности, он вспоминал, как они нередко «просиживали половину зимних ночей» за Шекспиром (Карамзин, 1834: 3). Трудно заподозрить случайность в выборе эпитафии к этому произведению — Карамзин остановился на финальных словах Антония, характеризующих Брута из «Юлия Цезаря» (5 сцена 5 акта):

His life was gentle, and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up
And say to all the world, «This was a man!»

Э. Кросс предположил, что это «лирическое эссе» могло быть навеяно сочинением Ленца «Нечто о характере Филотаса. Фиалка на его гроб» («Etwas über Philotas Karakter. Ein Veilchen auf sein Grab», 1780) (Cross, 1971: 146). Образ Петрова нашел свое отражение и в других произведениях Карамзина: в «Письмах русского путешественника», в характере Леонида из повести «Чувствительный и хладнокровный», в стихотворениях «Анакреонтические стихи А. А. П.», «На разлуку с П.».

³ Ю. М. Лотман ошибся, датируя это письмо 1787 г. и полагая при этом, что это насмешливое замечание Петрова не могло относиться к переводу «Юлия Цезаря»: «Карамзин в это время еще только собирался приступить к переводу» (Лотман, 1966: 377). Кроме того, что исследователь прибавил два года к реальной

дате написания письма, он упустил из внимания, что дата в предисловии Карамзина (15 октября 1786 г.) свидетельствует, что свой перевод он закончил тогда же. Возможно, ученого ввел в заблуждение тот факт, что 1787 г. был «урожайным» для «русского Шекспира»: именно тогда переиздана сумароковская переделка трагедии «Гамлет» (Сумароков, 1787: Т. 3), опубликован прозаический анонимный перевод «Жизни и смерти Ричарда III, короля аглинского».

⁴ Кроме сумароковского подражания монологу Гамлета в одноименной трагедии (1748), необходимо упомянуть о переводе М. И. Плещеева «Иль жить, или не жить, теперь решиться должно» (Плещеев, 1775: 260–261) и о «Вольном подражании монологу Гамлета» П. М. Карabanова, скрывшегося под псевдонимом Л. (Карabanов, 1786: 195–199).

⁵ Об источнике переводов А. А. Петровым монологов и сцен из пьес Шекспира «Монолог Генриха IV, когда он ночью получил известие о возмущении графа Нортумберландского» (Петров 1789: 100); «Король Генрих IV. Отрывок из 2-й части, дейст. IV, сц. 4» (Петров 1789: 101–103); «Отрывок из “Короля Генриха V”. Дейст. IV, сц. 3» (Петров 1789: 103–104); «“Король Генрих VIII”. Падение Кардинала Волзея при Генрихе VIII. Отрывок из III действ., сц. 2» (Петров 1789: 104–107); «Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цесарь. Отрывок. Дейст. IV, сц. 3» (Петров 1789: 108–111). См. нашу статью: Захаров, 2009: 130–139.

⁶ Название перевода Ленца восходит к цитате из «Эклог» Вергилия ставшей латинской поговоркой «*Omnia vincit Amor*» («Всё побеждает любовь»).

⁷ По примеру Шекспира Екатерина II создает исторические драмы из жизни древнерусских князей: «Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика» и «Начальное управление Олега». Хотя указанные драмы и были почерпнуты из русских летописей, они оставались подражаниями шекспировским хроникам. Собственно с Шекспиром их сближала драматургическая

техника и заимствование отдельных ситуаций из «Генриха IV», «Генриха V», но не более того. Во многом их появление продиктовано политическими целями императрицы, которая художественными средствами пыталась утвердить в русском обществе свои идеи и представления о государственном устройстве и управлении (Lirondelle, 1912: 42–44, 48–49).

⁸ В «Драматическом словаре» ошибочно сообщено, что перевод выполнен белыми стихами (Драматический словарь, 1787: 163) (2-е изд. А. С. Суворина, СПб., 1880).

⁹ Ср. перечисления гениальных авторов в стихотворении Ленца:

Hasch ihn, Muse, den erhabenen Gedanken —
Es sind ihrer nicht mehr,
Ihre Schwestern haben die Griechen und Römer
Und die Hetrurier weggehascht,
Und die meisten ergriffen die k?hnen Britten,
Und Shakespeare an ihrer Spitze,
Und trugen sie alle fort wie der Sabiner sein
Mädchen.

Mancher brauchte sie zum andernmal,
Aber sie waren nicht mehr Jungfrauen.

<...>

O Homer, o Ossian, o Shakespeare,
O Dante, o Ariosto, o Petrarcha,
O Sophokles, o Milton, o ihr untern Geister —
O ihr Pope, ihr Horaz, ihr Polizian, ihr Prior,
ihr Waller!
Gebt mir tausend Zungen f?r die tausend Namen,
Und jeder Name ist ein k?hner Gedanke —
Ein Gedanke — tausend Gedanken
Unsrer heutigen Dichter werth.

(Lenz, 1891: 163–165).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский, В. Г. (1836) Русская литературная старина // Телескоп. Ч. 29. № 17/20. (Подпись: анонимно).

Белинский, В. Г. (1953–1959). Полн. собр. соч. М. : Изд-во АН СССР. Т. 2.

Благой, Д. Д. (1975) Пушкин в развитии мировой литературы. Статья 3 // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 34. № 3.

Булгаков, А. С. (1934) Раннее знакомство с Шекспиром в России // Театральное наследие. Сб. 1. А.

- Горбунов, А. Н. (1998) Предисловие // Шекспир У. Юлий Цезарь / пер. Н. М. Карамзина, А. А. Фета, М. А. Зенкевича, А. Величанского; [сост., предисл. и коммент. А. Н. Горбунова]. М. : Радуга.
- Григорьев, В. В. (1861) Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб.
- Дмитриев, И. И. (1892) Соч. СПб.
- Драматический словарь (1787). М.
- Загорский, М. Б. (1947) Шекспир в России // Шекспировский сборник, 1947 / ред. Г. Н. Бояджиев, М. Б. Загорский, М. М. Морозов. М. : Всероссийское театральное общество.
- Захаров, Н. В. (2009) Процесс шекспиризации в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв.: пример М. Н. Муравьева // Знание. Понимание. Умение. № 2.
- Карамзин, Н. М. (1984) Письма русского путешественника. Л.
- Карамзин, Н. М. (1814) Монолог Лира. Прозаич. перев. [Дейст. III, сц. 2] // Карамзин, Н. М. Соч. 2-е изд.. СПб. : Тип. Селивановского. Т. 4.
- Карамзин, Н. М. (1834) Сочинения Карамзина. СПб. Т. 7.
- Карамзин, Н. М. (1884) Избр. соч. М. Ч. I.
- Карамзин, Н. М. (1964) <О Шекспире и его трагедии «Юлий Цезарь»> // Карамзин, Н. М. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л. Т. 2.
- Карамзин, Н. М. (1986) Записки старого московского жителя. М.
- Кафанова, О. Б. (1983) «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Русская литература.
- Левин, Ю. Д. (1988) Шекспир и русская литература XIX века. Л.
- Леманн-Карли, Г. (1996) Я. М. Р. Ленц и Н. М. Карамзин // XVIII век. Сб. 20 / отв. ред. Н. Д. Кочеткова ; пер. Н. Ю. Алексеевой. СПб. : Наука. С. 144–156. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН).
- Лотман, Ю. М. (1966) Примечания // Карамзин, Н. М. Стихотворения. Л. (Библиотека поэта; Большая серия).
- Луков, Вл. А. (2005) Шекспиризация (к теории и истории принципов-процессов) // Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет» : материалы науч. семинара, 23 апреля 2005 г. / Моск. гуманит. ун-т, Ин-т гуманит. исследований. М.
- Луков, Вл. А. (2006) Предромантизм. М. : Наука.
- Мерсье, Л.-С. (1936) Картины Парижа. М. ; Л.
- Немировский, И. В. (1991) Идеинная проблематика стихотворения Пушкина «Кинжал» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л. : Наука. Ленингр. отд. Т. 14.
- Петров, А. А. (1789) «Король Генрих VIII». Падение Кардинала Волзея при Генрихе VIII. Отрывок из III действ., сц. 2 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. М. : Унив. тип. Н. Новикова. Ч. 1.
- Петров, А. А. (1789) Гамлетово размышление о смерти / прозаич. пер. [А. Петров] // Учитель, или Всеобщая система воспитания. М. : Унив. тип. Н. Новикова. Ч. 1.
- Петров, А. А. (1789) Король Генрих IV. Отрывок из 2-й части, действ. IV, сц. 4 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. М. : Унив. тип. Н. Новикова. Ч. 1.
- Петров, А. А. (1789) Монолог Генриха IV, когда он ночью получил известие о возмущении графа Нортумберландского / пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. М. : Унив. тип. Н. Новикова. Ч. 1.
- Петров, А. А. (1789) Отрывок из «Короля Генриха V». Дейст. IV, сц. 3 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. М. : Унив. тип. Н. Новикова. Ч. 1.
- Петров, А. А. (1789) Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цезарь. Отрывок. Дейст. IV, сц. 3 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. М. : Унив. тип. Н. Новикова. Ч. 1.
- Петров, А. А. (1863) Письма Александра Андреевича Петрова к Карамзину / сообщ. Я. К. Грота, коммент. М. Лонгинова // Русский архив. Вып. 5/6.
- Плещеев, М. И. (1775) Иль жить, или не жить, теперь решиться должно / Перев.

[М. И. Плещеева] // Опыт трудов Вольного Российского собрания. М. Ч. 2.

Розанов, М. Н. (1901) Поэт периода «буйных стремлений»: Якоб Ленц, его жизнь и произведения. URL: <http://www.knigafund.ru/books/8584/read#page1> (дата обращения 19.08.2008).

Сумароков, А. П. (1787) Гамлет. Трагедия. (Переделал с франц. прозаического перевода Деллапаса) // Полн. собр. всех соч. М. Т. 3.

Тихонравов, Н. С. (1898) Четыре года из жизни Карамзина (1785–1788) // Соч. М.

Шекспир и русская культура. (1965) / под ред. М. П. Алексеева. М. ; Л.

Cross, A. G. (1971) N. M. Karamzin. A Study of His Literary Career 1783–1803. London and Amsterdam.

Hight, G. (1949) The classical tradition. Oxford.

Keller, M. (2000) Verfehlte Wahlheimat: Lenz in Rußland // Russen und Rußland aus deutscher Sicht (под общ. ред. Л. Копелева) : in 5 Bdn. / M. Keller. München.

Lenz, J. M. R. (1891) Gedichte. Berlin.

Lenz, J. M. R. (1965–1966) Anmerkungen über Theater // Lenz, J. M. R. Werke und Schriften. Band 1. Stuttgart.

Lirondelle, A. (1912) Shakespeare en Russie. 1748–1840. (Etude de literature comparee). Paris.

Rauch, H. (1892) Lenz und Shakespeare. Berlin.

Rothe H. (1968) N. M. Karamzins europäische Reise Der Beginn des russischen Romans. Berlin, Zürich.

Schwarz, H-G. (1985) Dasein und Realität. Theorie und Praxis des Realismus bei J. M. R. Lenz // Studien zur Germanistik, Anglistik und Komparatistik / Hrsg. von A. Arnold und A. M. Haas. Bd. 116. Bonn.

Shakespeare, W. (1776) Traduit de l'Anglois, dédié au Roi. Paris, 1776. T. 2.

Winter, H. G. (1987) J. M. R. Lenz. Stuttgart.

Zachariä, J. F. W. (1850–1855) Anthologie aus den Gedichten von J. F. Wilh. Zachariä. Hildburghausen / New York.

Из хроники научной жизни

27 мая 2009 г. в Кишиневе, в Государственном университете Молдовы состоялся молдавско-российский научно-дидактический семинар «Комплексное изучение человека: проблемы методологии».

С молдавской стороны были представлены следующие доклады: Б. Мелник «Необходимость и пути координации работ научно-исследовательских центров, занимающихся проблемами комплексного изучения человека», А. Кривой «Познание функциональных резервов человеческого организма», Т. Миролубов «Человек — субъект и объект власти и политики», А. Рошка «Человек как творец и носитель духовных ценностей», Л. Чебану «Человековедение в системе образования», Т. Цырдя «Человек и биоэтика», Н. Сулак, И. Власенко, В. Фонарю «Наш любимый предмет — человековедение».

Московский гуманитарный университет представляли: Б. Г. Юдин («Комплексное изучение человека: ценностные основания»), П. Д. Тищенко («Топика человеческого самопреобразования»), А. В. Костина («Комплексное изучение человека в аспекте тезаурусного подхода»), С. В. Луков («Проблема человека в свете диалога организационных культур»), Б. Н. Гайдин («Интерпретации “гамлетовского вопроса” и комплексное изучение человека»). Кроме того, были представлены доклады «Единая наука о человеке: потенции и препятствия» Вал. А. и Вл. А. Луковых и «Характерология как естественно-научный метод познания человека» Г. Ю. Канарша.